

ЗАП. 140

3-68
М

С.З. Зиманов

КАЗАХСКИЙ СУД БИЕВ – уникальная судебная система

Алматы «Атамұра» 2008

ББК 67. 71
3 62

Зиманов С.З.
3 62 Казахский суд биев – уникальная судебная система. – Алматы:
Атамұра, 2008. – 224 с.

ISBN 9965–34–773–5

Книга посвящена постановке и раскрытию основного тезиса о том, что суд биев и их правосудие, формировавшиеся в недрах кочевого общества казахов и являвшиеся стабилизирующей общественно-политической структурой на протяжении многих веков в истории казахского общества и государственности, по своим очеловеченным функциям представляют уникальное явление, имеющее общечивилизационное значение.

3 1203020100–003
418(05)–08

без объявл., 2008

КАЗАҚСТАН
РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ КІТАПХАНАСЫ
№ **508251**

ББК 67.71

ISBN 9965–34–773–5

© Зиманов С., 2008
© «Атамұра», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло почти десять лет, как небольшая исследовательская группа под моим руководством занималась собиранием материалов и изучением казахской средневековой системы права «Жарғы», основными источниками которой были: обычаи и обычно-правовые нормы, ханское законодательство и судебные прецеденты известных биев-судей, признанных общественностью «мудрейшими и справедливыми», потому и возведенных в сознании народном и в реальной жизни в «Төбе би» — «главных биев-судей». Была запланирована подготовка и издание «Қазақтың ата заңдары» («Древний мир права казахов») в 10 томах. К концу 2007 года издано из них 8 томов, а остальные увидят свет в 2008 году. Теперь наступило время, когда нужно придать гласности некоторые основные выводы исследования, по нашему убеждению, имеющие не только национальное значение, но и значение, выходящее за его рамки. Это в первую очередь относится к судам биев, вообразившим в себе общекультурные ценности.

Суд биев, прозванный русским исследователем-востоковедом А. Словохотовым судом «высокой справедливости», есть продукт сугубо средневекового кочевого общества казахов, внутреннее устройство которого основано на сохранившемся родоплеменном разделении населения. В судах биев воплотились ценности народной демократии и народовластия в более естественных формах. История так распорядилась, чтобы наиболее это рельефно произошло на огромном пространстве Центральной Азии, обжитом казахскими кочевниками.

Это не означает, что казахское кочевое общество жило изолированно от других регионов и этносов Центральной Азии — это указывает лишь на своеобразие, особенности суверенного развития Казахского ханства. Также это не означает, что кочевники или часть их не занимались вовсе земледелием. Они, кочуя, спорадически занимались незначительным, малым, примитивным земледелием. В той или иной мере временами

они посещали городские и торговые центры, в основном — для обменных операций продуктами животноводства. При всем этом кочевое скотоводство оставалось безраздельно господствующей формой в цикле жизнеобеспечения казахов.

Суды биев имеют региональные признаки формирования при наличии общих корней в истории тюркоязычных народов Центральной Азии. Когда-то племена и роды, составившие впоследствии казахскую народность, входили в состав империй, ханств и отдельных территорий. На каком-то этапе истории эволюция и пути их развития стали разными: одни от недолгого кочевничества переходили к оседлости, обзавелись новыми религией и системой управления; другие основным промыслом избрали захват территорий слабых соседей и войны, оказались под властью самодержцев. А третьи предпочли и продолжали вести кочевой образ жизни, его усовершенствовали, отстраняясь от власти тиранов и религиозного диктатора, не воспринимали религиозных догм и предписаний, которые исповедовали некоторые семьи правителей, и их окружение осевшее в ставках и в поселениях. Они предпочитали свободу и народовластие, суверенные права племен и родов, объединенных в союз ханств или большое ханство с конфедеративным устройством.

Именно к землям последней категории относится Казахское ханство с кочевым населением. Бии как должностные лица и как социальная прослойка населения и суды биев известны в истории многих регионов Центральной Азии. Они сохранили терминологические корни, указывающие на их генетическую общность, а их территориально-функциональное развитие проходило по-разному, вобрав в себя некоторые первородные качества и элементы. В казахском праве «Жарғы» и в казахских судах биев, отпочковавшихся от общих оснований, немало норм и ценностей, унаследованных от своих далеких предков. В этом плане существует преемственность истории народов Центральной Азии.

Казахские бии, как носители судебной власти, за неординарную деятельность, в которой преобладали нравственные критерии, в записях русских обозревателей Степного края XIX века называются «глашатаями правды» (Л. Словохотов) «умными и правдивыми» (И. Крафт), людьми «строгой справедливости» (И. Козлов), а по роду деятельности — «естествен-

ными посредниками спорящих сторон». Они формировались и могли исполнять свою эту миссию в условиях свободы самовыражения, демократии и народовластия, которые были характерны для внутреннего устройства общества казахских кочевников и в казахских ханствах. Периоды безраздельной их гегемонии и власти в обществе, насчитывающие много веков, прочно отложились в памяти народной как «Золотой век» законности и порядка (А.И. Левшин). То, что такое было в истории, да еще на территории громадного региона Центральной Азии, лежащего в основном в стороне от главных путей сообщений цивилизаций, и то, что оно имеет современное звучание, делает эту проблематику весьма актуальной и интригующей. Между тем, до сих пор бийская судебная система вовсе не стала объектом сколько-нибудь заметного исследования, не говоря уже о постановке ее на официальном уровне как научной проблемы. Царское правительство, проводившее агрессивную политику полной колонизации Казахстана с начала XVIII века, вплоть до Октябрьской революции 1917 года было занято в основном отменой ханской власти и введением новых колониальных систем управления и суда в Степном крае. Убеждаясь в прочной позиции «старых бийских судов», ставших частью общественного сознания казахов, царское самодержавие активно взялось за упразднение в первую очередь бийских судов «народного толка» и заменой их назначаемыми судами. А Советская власть, исходя из марксистской идеологии «классового подхода» в оценке общественно-политических явлений, объявила биев и бийские суды представителями и органами эксплуататорских классов, угнетающих народ. Тем самым, проблема о судах биев сама по себе была закрыта.

Представители национальной интеллигенции, жившие во второй половине XIX и в начале XX веков, среди которой были весьма по-европейски образованные просветители, видные деятели культуры, поэты и писатели, пытались отстоять суды биев как органы, имеющие народническую суть. Они даже в первые годы Советской власти, поверив ее формальным декларациям о народной демократии и социализме, рекомендовали новой власти восстановить суды биев в Казахстане как авторитетные органы «с коммунистическим началом», за что многие из них погибли в тюрьмах и ссылках. В годы Совет-

ской власти (1917–1991 гг.) и после ее падения вышла в свет многотомная «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» в нескольких изданиях. В них есть лишь упоминание мимоходом в нескольких строках об обычном праве казахов, но нет ни слова о бийских судах, тем более о «Золотом веке» порядка и законности в истории Казахстана. В отдельных индивидуальных исследованиях правовое устройство Казахских ханств рассматривалось всецело только в традиционной схеме, общепознавательных целях в контексте и рамках обычно-правовой системы «патриархального» казахского общества и ханской государственности.

Понятие «суд биев» в эпоху его общественного признания и расцвета ассоциировалось с понятием поиска правды в любом конкретном тяжёлом деле и со справедливостью, составляющей основу судебного решения. Бием-судьей мог стать только такой человек, который воспринимал эти идеи не как установки, навязываемые извне, а как естественные нормы должного его поведения. Такое представление незыблемо существовало в народном сознании и в сознании самих судей. И сколько бы нужно веков направленного развития, и через какие стадии общественного трансформации нужно было пройти, чтобы воспитать, вырастить людей с такой идейной ориентацией? Это вопрос другой, на который ответила история общества кочевников-казахов. С другой стороны, би-судья должен был обладать рядом приобретенных качеств, необходимых для реализации целевых идей бийского судопроизводства. К таким качествам относятся мудрость, красноречие, умение вести диалог равными себе соперниками, знание обычно-правовых, судебнo-прецедентных норм в историческом измерении, а также установленных или введенных ханами норм законодательства. Все это выступает как бы исходным началом и инструментарием обеспечения воспроизводства кочевого общества на собственной основе и его внутреннего единства. Бийские суды имеют огромную заслугу в содействии устойчивости казахского кочевого общества и в его невосприимчивости к религиозным идеям и властно-управленческой схеме городской культуры, в которой было мало места народовластию и демократии.

Мы в своих исследованиях, думается, указали направление и начало будущих научных исканий, имеющих по важности национальное, а также и общекультурное значение. Ка

захский суд биев – уникальная судебная система – таково наше утверждение и перспективное программное направление исследовательских работ, лежащих на плечах и в обязанности нового поколения ученых и энтузиастов. Для обсуждения и обмена мнениями по этой проблематике нами решено совместно с Верховным судом Республики Казахстан организовать Международную научную конференцию в мае 2008 года. Данная книга печатается в канун этой конференции и в качестве основного материала обсуждения в ней.

Считаю долгом выразить особую благодарность членам редакционной коллегии исследовательского проекта «Казактың ата заңдары» – «Древний мир права казахов»: доктору юридических наук Сафинову Канатбеку Бейсенбековичу, доктору юридических наук Мами Кайрату Абдразаковичу, доктору юридических наук Кул-Мухаммеду Мухтару Абраарулы за их поддержку и содействие в подготовке и издании данной работы на 4 языках: казахском, русском, английском и турецком.

академик НАН РК
С.З. Зиманов

ДРЕВНИЙ МИР ПРАВА КАЗАХОВ И ЕГО ИСТОКИ

В мире, в его культурных пластах немало явлений, значительных по историческим меркам, но остающихся несмотря на это неоткрытыми для широкого обозрения человечества, следовательно, непознанными и не оцененными по достоинству. Они большей частью затерялись в череде поколений или оказались в стороне от столбовых дорог развития цивилизации и познавательной деятельности нового времени. Однако от этого они не стали менее значительными, менее ценными, хотя бы в историческом плане. Среди них были и целые социально-культурные пласты, заполнявшие целые эпохи в истории народов и государств, интерес к которым и значение которых все больше возрастают по мере развития гуманизации человеческих отношений, вернее, по мере возврата к ценностям изначальной свободы, демократии и, значит, к естественным правам человека, оказавшегося ныне в условиях интенсивной технологизации и отчуждения. Одной из таких культурных ценностей, затерявшихся в пластах истории, является казахское право.

Кочевая цивилизация, если она была, то рельефнее и большей зрелостью выступала именно в центрально-азиатской части Земли, часто именуемой в истории Великой Степью. Основной формирующей этнической группой здесь были тюрки и их предки, потому и эту Степь в культурно-этническом смысле называли Тураном или Туркестаном. Казахское право было культурным островком, наследием и продуктом тюркоязычной кочевой цивилизации, утвердившейся на единой ее обширной «свободной» зоне, называемой Казахией.

Мир менялся и катаклизмы с некоторой периодичностью совершались в течение многих веков в жизни обществ и народов, населявших современную территорию Казахстана. Из этого потока истории казахи вынесли и сохранили для потомков две неувядаемые ценности ранней эпохи — это царства Слово и Закона. Как записано в Государственном гимне Республики Казахстан:

«Жаралған намыстан қаһарман халықпыз,
Азаттық жолында жалындап жаныппыз.
Тағдырдың тезінен, тозақтың өзінен
Аман-сау калыппыз, аман-сау калыппыз».

«Мы — народ доблестный, дети чести,
На пути к свободе жертвовали всем.
Из тисков испытаний судьбы, из адских огней
Вышли победителями, мы уцелели...»

Казахское право, основанное на культурных и демократических традициях обычно-правовой системы, пережило и переросло свою эпоху, его породившую. Оно продолжало сохранять регулятивную жизнеспособность до XIX века, отчасти и до начала XX века. Долговечность казахского права можно объяснить двумя факторами. Во-первых, тем, что хозяйственно-бытовые, мировоззренческие основы кочевой цивилизации на обширной земле Казахии сохранились вплоть до новейшего времени. А, во-вторых, и это главное, тем, что казахское право было максимально приближено к самому народу, к логике его жизни и в значительной степени выражало извечную духовную суть человека и его устремлений независимо от стадии его совершенства и развития.

Казахское право — сокровище культурной жизни казахского народа и всей кочевой цивилизации. Оно имеет тысячелетнюю историю, и пик утверждения его условно относится к XIV—XVIII векам. Парадоксальность этого явления заключается в том, что ранний упадок величия Великой Степи кипчаков — прародины кочевой цивилизации, не повлек за собой синхронного упадка престижа и роли казахской правовой культуры. В этом противоречивом процессе, по-видимому, сказалось ее жизнеобитание на «свободной» и «островной» зоне этой обширной Степи.

Однако хозяйственный и культурный застой в средневековой Степи, ее отрыв и увеличивающееся отставание от преуспевающих в своем развитии других частей мира, играли свою роль. Обширный Центрально-Азиатский регион был отодвинут на задний план глобальной истории и надолго выбыл из игры. Только интересы колонизации вернули Степи ее былую известность, но как к объекту порабощения. Все это сказалось как на оценке, так и на судьбе казахского права.

I

В средневековых восточных, в том числе тюркских, китайских и монгольских источниках, а также в описаниях некоторых западных и российских путешественников, исследовате-

лей и местных деятелей нового времени мы находим настоящие упоминания о «Золотом веке», о периоде «порядка», который имел место в истории Казахстана. Память о нем была жива в массовом народном сознании до наступления новейшего времени. Это не было продуктом фантазии и выдумкой сочинителей, а скорее исторической реальностью, вокруг которой шла постоянная борьба между теми, кто хотел колонизировать Казахскую степь, и теми, кто отстаивал ее свободу. В центре смены поколений праказахов и казахов их многовековой борьбы красной нитью проходит идея «справедливого порядка», носителем и покровителем которого выступает неподкупный судья, мудрец и оратор — историческая реальная фигура бия. Бий не был ханом в Степи. Но по социальному и индивидуальному рейтингу он часто стоял выше державного правителя. В народе всегда бытовало древнее убеждение: «Ханда қырық кісінің ақылы бар, биде қырық кісінің ары, білімі бар» — «Хан олицетворяет ум сорока лиц, а би олицетворяет совесть, достоинство и интеллект сорока лиц».

Признанный при жизни за крупные исследования «Героическим казахского народа» выдающийся русский ученый-востоковед А.И. Левшин в начале XIX века писал: «Было время, когда говорят благоразумнейшие из киргизов (*казахов*. — С.З.) Меньшей Орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда у нас существовал порядок, были законы и правосудие». Автор называет эту эпоху «Золотым веком», о котором, по его словам, вспоминают в народе «со вздохом»¹.

Другой русский исследователь, много лет проработавший среди казахов и владевший казахским языком в совершенстве, А.Е.Алекторов с восторгом описывает суд биев, берущий начало из древности, но сохранившийся в частности до XIX века. Те бии-судьи, которые следуют старой традиции правосудия, по его словам, олицетворяют образцы древней демократии. «Каждый бий и старик при разбирательстве дел — пишет он, — считает священным долгом оказать тяжущимся полную беспристрастную справедливость. Он терпеливо выслушивает все малейшие подробности — как приносим

¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб, ч III, 1832 г стр 169–170

жалобы, так и оправдания и потом объявляет свое решение, принимаемое всегда беспрекословно и свято исполняемое».¹

Блестящий казахский ученый XIX века и яркий исследователь Востока Ч. Валиханов писал, что значение биев основано на частном авторитете, который приобретают они так же, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. «Шекспир и Гёте считаются всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств и не на формальных выборах народа»².

Три фактора играли первостепенную роль в сложении и системном развитии казахского права. Во-первых, это обширность пространства обитания праказахов и казахов на Евразийском континенте, образовавшая в силу объективных обстоятельств как бы огромную свободную зону для консолидации части кочевой цивилизации. Республика Казахстан по территории сегодня занимает 9 место в мире, — 2,72 млн. кв. км, а 200—300 лет тому назад была еще больше — в 1,5—2,0 раза. Во-вторых, в ходе перемещения и великого переселения кочевых и полукочевых обществ и объединений больше с Востока на Запад, растянувшихся на многие столетия, пути которых пролегли через эту Евразийскую степь или начинались с нее, в ходе смены и распада их политических и государственных образований часть их оседала на этой «свободной» зоне, называемой Казахией, привнося в нее свои естественно-культурные, обычно-правовые демократические традиции. В-третьих, на этом обширном островке степного пространства дух вражды и войны относительно рано сменился мирными устремлениями, а завоевательные походы уступили место идеям самоутверждения и самозащиты в этно-культурных границах. Над раздвоенностью и раздробленностью Степи постепенно брали верх объединительные идеи, что в совокупности порождало тенденцию к упорядоченности в общественных отношениях и приводило к усилению регулятивной роли правовых установлений, проникнутых в основном духом свободы, обеспечения мира, общего благополучия и единства подданного населения.

Почти все государственные образования, великие и малые,

¹ *Алекторов А Е* «Киргизская степная газета» 1890 № 2

² *Валиханов Ч Ч* Собр. соч. В 5-ти томах. Том 4, А -А, 1985, с. 77

в основном тюркские или подвергшиеся тюркизации, смежные друг друга на протяжении многих столетий, оставившие после себя на этой огромной территории земли памяти о себе в виде жизнестойких и подвергшихся селекции правил и обычаев, которые избирательно, вместе с их носителями, редуцировала и осваивала Степь, обогащаясь «свободными» идеями и расширяя свои культурные границы. Таков был в основном общий фон социально-политических, географических и исторических условий, в недрах которых по-средневековому медленно и больше естественным путем складывалось правовое поле с характерными особенностями тяготеющее к утверждению гуманистических принципов в межэтнических отношениях.

Пространственные пределы казахского права определялись в этно-культурных границах кочевого населения Казахстана и не обязательно совпадало с реальными властными притязаниями какого-либо казахского хана. Казахская государственность скорее была общим понятием, имеющим реальную основу в массовом сознании. Казахское общество существовало в условиях феодальной раздробленности и борьбы племён улусов и жузов за преобладание в Казахии. Политического объединения, всегда бывшее временным и хрупким, достигало в годы общей опасности и неотложной необходимости решения общенациональных проблем. Что же касается казахского права, то оно оставалось общекультурным достоянием в этнических границах.

II

Во всем правовом поле средневекового казахского общества определяющей властью была власть степного закона, его носителем, хранителем, реформатором и реализующей силой была узкая категория людей, именуемых биями.

Бий – это в первую очередь судья. Власть бия считалась «коренной властью», уходящей в глубь истории самого народа, в отличие от власти ханов, имеющих «иноказахское» происхождение. Она была традиционной, престижной и приоритетной властью, хотя входила в структуру верховной власти в Орде – ханской. Как писал один из выдающихся казахских деятелей культуры: «Мықты билер тілін алмаған дандарды бір кезде тактарынан қуыршақша алып таста

отырған»¹. Авторитетные бии временами с непослушными ханами поступали как с куклами, отправляя их в отставку».

Бий в народном сознании рисуется носителем рыцарской морали: «Шынынан өзге кұдай жоқ» («Нет бога выше правды»), «Малым жанымның садағасы, жаным арымның садағасы» («Материальное богатство должно служить духовности, а в духовности главное — честь»). Эти фабулы имели реальное человеческое лицо: в человеке его совесть, честь и достоинство объявлялись высшими ценностями. Сила этой высокой морали предопределялась тем, что она, пройдя века, утвердилась как составляющая часть народного менталитета казахов. Применительно к правосудию эта общая мораль вылилась в конкретную установку, которая гласила: «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» («Судья-би беспристрастен, ибо у него нет пристрастия в пользу своих и не своих, нарушение этой заповеди ведет к гибели самого правосудия»).

Стать бием было трудно, поскольку высокими были требования, предъявляемые к нему. Только «избранный богом» мог стать бием. Кроме личных данных, к которым предъявлялись строгие требования, претендент на звание бия должен был пройти ряд испытаний. Природный и приобретенный интеллект, красноречие, способность к диалогу, освоение основ богатства степного закона и его основных норм, зафиксированных в уложениях «Касым ханның қасқа жолы» («Прямой путь хана Касыма»), «Есім ханның ескі жолы» («Исконный путь хана Есима»), «Жеті Жарғы» Тауке хана, дополненных прецедентными постановлениями знаменитых биев — вот перечень основных условий, которые предъявлялись бию и в первую очередь, как к отправителю правосудия. Разумеется, бии были разные по сфере власти и влияния, занимали разные ступени в судебной иерархии — от бия небольшого аульного, родового коллектива до биев, слава и влияние которых простиралась на жузы, улусы и на всю территорию казахской государственности. В зависимости от этого менялась и «жесткость» требований, предъявляемых к биям.

Родители, заметив природные задатки юноши, старались дать ему целенаправленное воспитание с тем, чтобы он мог стать бием. В первую очередь в семье учили его овладевать

¹ Сейфуллин С Шығармалар 6 томдық, VI том, А, Жазушы, 1994 ж. 265-бет

богатством казахской разговорной речи и обычно-правил, помогали ему освоить начала искусства полемического решения логических задач, то есть находить «изюминки» в неординарных жизненных ситуациях, с которыми приходилось иметь дело в процессе судебной деятельности. Эту функцию выполняли если не сами родители, то старцы в ауле, передавая свои знания и жизненным опытом. Считалось особенно важным, чтобы юноша с ранних лет входил в свиту известных биев, сопровождал их в поездках по степи, осваивая особенности и технологию степного судопроизводства. Бии, в роли учителей, временами проверяли способности, предоставляя ему возможность изложить свою точку зрения по поводу вероятного решения по конкретным конкретным делам, рассматриваемым на бийском суде. Так по рассказам Кунанбай – отец Абая, ставшего впоследствии великим национальным поэтом и известным Тобе бием – «Старшим» не только в Среднем жузе (вторая половина XIX века) Кунанбай брал сына с 6 лет в поездки на знаменитую в Кояндинскую ярмарку, в Каркаралинск – административный центр, где в сезонные периоды происходили сборы, диспуты с участием известных аксакалов, биев и ораторов. Там было много старцев, умудренных опытом в самом роде Тобе биев. Абай проходил и осваивал их школу. Как утверждают исследователи, в 13 лет Абай начал «выходить в люди», вынося судебные решения. Вот что пишет авторитетный исследователь биографии Абая Мухтар Ауэзов: «Вращаясь в кругу опытных вдохновителей межродовой борьбы, Абай, наделенный от природы недюжинными способностями, постигает тонкие приемы ведения словесных турниров, где оружием были красноречие, остроумие и изворотливость. Так как раньше решались не царским судом, а на основе веками существовавшего обычного права казахов, Абай должен был обратиться к сокровищам казахской народно-речевой культуры» – так утверждают исследователи, такой же путь прошел Айтбай (1666–1722). На него, на его особый талант общественно-аульские старцы обратили внимание, когда ему было всего шесть лет ². Тут следует сказать о традиции Степи: «О

¹ Ауэзов М. Жизнь и творчество Абая Кунанбаева. В сб.: «Жизнь и творчество Абая», А., 1954, стр.7–8.

² Есламгалиұлы М. Әйтеке би, Жеті жарғы, 1988, 91 бет.

ность узнается с колыбели» — «Болар бала боғынан». Известный Шорман би из Среднего жуза в 13 лет, Есет би (сын Котибара), возглавлявший впоследствии освободительное движение в долине Сырдарьи (Младший жуз), к 20 годам приобрели широкую популярность.

Чтобы получить признание в роли бия, кроме личных качеств и освоения правил степного закона претендент должен был пройти два испытательных этапа, своего рода аттестации на зрелость. Он должен был продемонстрировать свой интеллект и логику постижения перед опытными общественными учителями, отвечая на их «философские» вопросы, это — во-первых, а во-вторых — получить особое благословение, именуемое «бата», у мудрых старцев. Поэтому существовало целое полагание: «Батамен ер көгерер, жауынмен жер көгерер» — «Бата облагораживает мужчину так же, как после дождя благоухает земля». Чем больше притязания будущего бия, тем выше должен быть престиж мудреца, благословляющего его на судебную деятельность.

Такой путь профессионального и нравственного совершенствования прошел знаменитый Толе би (1633—1756), прозванный «отцом биев». Его отец Алибек был самым известным в роде бием. Отец часто брал сына на судебные тяжбы, чтобы он постигал тайны степного закона. Толе с 9 лет начал участвовать в судебных разбирательствах, а в 15 лет становится известным бием. Он получает «благословение» — «бата» у 90-летнего умудренного старца Жетес би, у почти столетнего знаменитого Анет-баба. Вот как описывается в народной памяти этот случай: Әнет-баба бір бума солкылдақ шыбық алдырады: «Балам, мынаны сындырып көрші»-дейді. Төле буылған шыбықты олай-бұлай иіп, сындыра алмайды. «Енді сол бума шыбықты біртіндеп сындыршы», дейді де Әнет-баба: «Бұдан не түсіндің балам?» деп сұрайды. Төле:

«Түсіндім, баба. Ынтымақты, бірлігі мықты елді жау да ала алмайды. «Саяк жүрген таяқ жейді» дегенді білдіреді деп жауап беріпті. Сонда Әнет-баба: «Бәрекелді балам, дұрыс таптың. Ел билеу үшін елді ауыз бірлікке, ынтымаққа шақыра біл. «Бак қайда барасын?» — «Ынтымаққа барамын» дегеннің мәнісі осы», деп он батасын беріпті» — «Анет-баба, связав в один пучок гибкие ветки, предложил Толе: — «Попробуй, сынок, сломать эту связку!», — Толе не смог это сделать с одного раза.

Ветки изгибались, но не ломались. Тогда Анет-баба при-
жил разобрать пучок и сломать по одной ветке, что и
легко сделано. Старец спросил: «Что ты, сынок, понял и
го?» Толе сказал: «Понял, почтенный Баба: собранного в
ство и сплоченного народа ни внешний враг, ни внутрен-
ний конфликт не может разрушить». Анет-баба: «Разгадал пра-
во, сынок! Запомни, что главнейшее в управлении — это
не призывать народ к единству и добиваться такого еди-
нства. Смысл крылатого народного выражения: «Куда ты дер-
жись, Счастье? — Иду к согласию, в котором найду себя».
Закончил Анет-баба и благословил юношу, высказав свое
пожелание свое — «бата». Вот образец другого «бата»,
который Толе заслужил от старейшины рода: «Үй баласы м
едім, ел баласы екенсін. Ауылыннан таңы бол, манда
бағы бол» — «Полагал, что ты — сын своего двора, а ока-
зался сыном своего народа. Входи утренней зарей и расти по-
лучником счастья для него».

Существует легенда, повествующая о том, что А
(1681–1766), ставший впоследствии знаменитым бием С
юношей получил «бата» от самого Косуак би, известного
ца-мудреца Младшего жуза, который наставлял: «Кәрі
ды, жас озады. Ендігі жерде үйде де, түзде де билік ті
өзін ұста!» — «Суть круговорота времени — старики ста-
но обгоняют их молодые. Пришло твое время и передаю тебе
ды бийских решений».

Испытание претендента на бия в период, когда он е
получил общественного признания, проводилось по ра
причинам: в юношеские годы — чтобы проверить налич
ланта, в зрелые годы — чтобы удостовериться в степени
ренности бия (в незнакомой общественной среде и сос
владениях), а нередко — и с целью получить поучение. П
тель (хан) Ургенча (Восточный Туркестан) при свидан
Срым би, уже прославившимся, задал ему четыре воп
«Дау мұраты не? Сауда мұраты не? Қыз мұраты не? Жол
ты не?» Сырым бидін: «Дау мұраты—біту, сауда мұраты
қыз мұраты—кету, жол мұраты—жету» деген жауабы үші
қонағасын беріп, ат мінгізіп шығарып салыпты». Здесь
кость, выразительность и спрессованность вопросов и
тов оригинальны, передать их палитру в переводе почт
возможно, но смысл их заключается в следующем. На в

сы, заданные ханом: в чем заключается суть судебного спора? Торговли? Девичьей мечты? Путника? Срым ответил: судебный спор преследует мир, торговля — выигрышную продажу, девушка мечтает о хорошем замужестве, а путник — о конечном пункте дороги. Удовлетворенный хан принял Срыма как дорогого гостя и проводил с подарками.

Нормативно-правовое познание бия и неординарность его мышления даже тогда, когда он еще юношей встал на путь претендента, считались критерием номер один. Это имело и сугубо практическое значение, если принимать во внимание состязательность досудебного и судебного процесса, его прозрачность и публичный характер. Разумеется, познание приходит и накапливается с годами и в ходе жизненного опыта. Но оно должно быть заложено в потенциале в самом начале профессиональной деятельности. Таково было требование, предъявляемое обществом к будущим и состоявшимся биям. Каждый из них даже в самые годы зрелости не был застрахован от подобной «аттестации».

Казахская обычно-правовая система исторична, состоит из пластов разных столетий, связанных общим духом, потому и консервативна, и в то же время подвижна, динамична в рамках простора кочевой цивилизации. Би-судья в этой системе выступает знатоком и хранителем традиций и установлений казахского права — это непременно обязательная сторона его профессиональной деятельности. И в то же время би — свободный толкователь степного права сообразно условиям применения его норм.

Бесспорным считалось представление о том, что казахское право берет свое начало от Майкы би, жившего в XIII веке, родом из древнего казахского родового союза Уйсун, в свое время возвысившегося до титула «Орда би» у Чингисхана (1155–1227). Непререкаемым постулатом в казахском праве был и остался исходный тезис: «Түгел сөздің түбі бар, түп ата-сы Майкы би» — «Все правовые установления имеют общие корни и корни всех корней сводятся к Майкы бию». Кодифицированными источниками казахского права считались уложения «Қасым ханның қасқа жолы» — «Установление Касым хана» (1511–1532), «Есім ханның ескі жолы» — «Установление Есим хана» (1598–1623) и «Жеті Жарғы» Тауке хана. Они носили имена ханов, при которых составлялись.

Нормативно-правовой опорой бийского суда и биев, кроме обычно-правовых «ханских» уложений, было прецедентное право, то есть постановления по конкретным делам известных и знаменитых биев, правосудная слава которых приобрела всеказахскую известность.

Сила слова в казахском средневековье, да и до недавнего времени, настолько была престижна и авторитетна, что часто победа и торжество доставались тем, кто владел искусством речи, и нередко перед ним факты сдавали свои позиции. Аргумент речи был намного сильнее, чем аргумент действительной речи. Эти особенности степной культуры рельефно запечатлены в казахском праве: «Ердің құнын екі ауыз сөзбен бітірер би» — «Искусный би может решить дело об убийстве одной только краткой речью». Признавая, что «Өнер — қызыл тіл» — «Из всех искусств самое важное — это красноречие», в то же время казахское право сформулировало свою судебную цель: «Тіл жүйрік емес, билікте шын жүйрік» — «Искусный язык, но ценнее в суде истина».

III

Уникальность казахского права состояла в том, что оно, рожденное в рамках кочевой цивилизации, воплотило в себе многие ценностные черты и оптимумы человеческих мечтаний этой эпохи. В этом плане оно по праву может и должно занять достойное место в мире исторически значимых правовых систем.

Значение казахского права заключается не в исключительности его как некоего системно-институционального учреждения в истории. Все народы в той или иной форме на ранних стадиях своей истории прошли такой период — период господства обычно-правового регулирования общественных и управленческих отношений. Такой период у многих народов был неустойчивым, недолгим, переходным и укладывался в рамках эпохи средневековой идеологии — деления общества на высшие и низшие сословия, династической борьбы за власть, за новые приобретения, переселения кочевых и полукочевых сообществ союзов в поисках новых земель. Казахское право тем и отличается, что оно, руководствуясь в своей основе обычно-правовыми нормативами и институтами, сложилось и получило развитие как бы в «свободной» зоне и в силу это

вобрало в себя больше мирные, естественно-устойчивые принципы кочевой цивилизации. В этом плане можно сказать, что оно по содержательной части определило во многом свою эпоху, в недрах которой формировалось, и переросло ее рамки.

В казахской обычно-правовой системе отработан целый пласт принципов и норм, определяющих суть и статус судьи, которые прочно вошли в правовое сознание народа и определяли во многом содержание его традиционного менталитета. Они сформулированы в кратких и выразительно-содержательных изречениях-формулах: «Атаннын баласы болма, адамның баласы бол» — «Не будь сыном только своего отца, а будь сыном человека»; «Туғанына бұрғаны биді кұдай ұрғаны» — «Нет большей божеской кары для бия-судьи, чем его пристрастие в пользу родственника»; «Таста тамыр жок, биде бауыр жок» — «Камень не имеет корня, также и би не имеет родственника».

Истина и справедливость, стремление к их постижению были фундаментальными основами судопроизводства и выносимых судебных решений биев, основанных на нормах казахского права: «Атанның кұлы айтса да, әділдікке басынды» — «Поклонись справедливости, если она высказана даже и рабом твоего отца»; «Әдет—әдет емес, жөн әдет» — «Справедливость выше правил обычаев»; «Тіл жүйрік емес, шын жүйрік» — «В красноречии важна выразительность, но ценнее истина»; «Әділсіз болса би онбас, әйелсіз болса үй онбас» — «Ничтожен би, если он несправедлив так же как беспризорен очаг без женщины-хозяйки»; «Би төрттің кұлы: адал, еңбек, таза ниет, терен ой, әділдік» — «Би — раб четырех господ, которыми являются: честный труд, благородство мысли, глубокомыслие и справедливость»; «Елге бай кұт емес, би кұт» — «Не от богатого богатеет страна, а от умного бия»; «Батыр дегенді екі катынның бірі табады, би дегенді ілуде біреуі табады» — «Батыра (воина) рождает каждая вторая женщина, а бия — одна из тысячи».

Простота и доступность, непосредственность и безотказность в рассмотрении споров, обеспечение беспристрастия суда и свободы доказывания, неограниченная ничем возможность участия представителей сторон и каждого из присутствующих в процессе, стремление к примирению сторон и обеспечение несомненной логичности и убедительности судебных решений в глазах общественности и там, когда определялись

жестокие и суровые наказания для виновной стороны, составляли форму и содержание бийского суда. Би-судья, на котором лежала ответственность окончательного судебного решения, в своем положении был больше похож на восседающего старца-мудреца, хотя нередко случалось, что по возрасту был юношей.

Би-судья был свободен в проявлении своих действий и убеждений. В то же время к нему был незримо прикован «родный глаз» — общественное мнение, представлявшее собою реальную силу, более дееспособную и влиятельную, чем все прочие властные инстанции.

Форма и состав суда зависели в основном от двух факторов: от желания участвующих в нем сторон и от сложности дела. Споры могли быть решены одним судьей единолично. Это наиболее простая и распространенная форма. Она больше применялась, когда за разрешением конфликта к бию обращались одноаульцы, ближайšie сородичи или когда стороны — истец и ответчик — добровольно предавали свои споры бию и просили его решения. Нередко проявлял инициативу сам судья, если жалоба обиженного или потерпевшего была обращена к лицам, имеющим близкие и родственные связи с судьей. В последнем случае би сам вызывал ответчика в суд, который не мог проигнорировать это приглашение. Его нежелание считалось бы позором в межродственных отношениях. Би — известный, мудрый и неподкупный, то обращения к нему за его единоличными решениями бывали довольно частыми, причем приезжали к нему обе стороны из самых дальних улусов и родовых объединений.

Для рассмотрения крупных дел, отличающихся особой сложностью, в которые были вовлечены разные родовые коллективы с явно выраженным обострением отношений между ними, образовывалась коллегия биев-судей. Один из них избирался Тобе-бием, то есть председателем и главным судьей, мнение которого имело приоритетное значение при вынесении решения суда.

Суд биев (или бия) основывался на состязательном процессе. Каждая сторона являлась на суд при необходимости своим бием, иногда и не одним, которые представляли интересы своего сородича. Заступничество со стороны в чью-либо пользу в бийском суде не допускалось. Судебные разбирательства

ства происходили обычно при дворе хана, в доме бия, в назначенных местах, часто на кочевых стойбищах.

Казахское право не знало смертной казни, лишения свободы, членовредительных наказаний, тюрем и зинданов (подземных камер заключения), так называемого уголовного наказания. Все судебные споры и самые сложные конфликты считались гражданско-правовыми, влекли за собой имущественные, неимущественные, позорящие и иные формы наказания, а также примирительное решение тяжб.

Существовали три основные классификационные группы ответственности и наказания: «кун» — плата за убийство или за деяния, приравняемые к убийству; «тогуз» (дословно — «девятка») — имущественная ответственность в виде подношения или штрафа, состоящая из девяти голов скота «аип» — форма прощения, извинения и штрафа. Все они имеют предметное выражение, преимущественно состоящее из поголовья конского и другого скота. Поскольку в каждом наказании, в том числе и за опасное деяние, всегда присутствуют элементы примирения сторон, ответственность может иногда выражаться в форме брачных сделок.

В «куне» (возмещение за убийство) различие проводилось в первую очередь с учетом достоинства убитого: «ер кұны» — за воина, «сүйек кұны» — за сам факт убийства, «өнер кұны» — за умение и знание убитого в искусстве, «ар кұны» — за оскорбление чести. Имела значение социальная принадлежность убитого. Более строгое наказание полагалось за убийство представителей верхушки общества и власти.

«Тогуз» как вид санкции, по нашим подсчетам, имеет 27 наиболее ходовых разновидностей и вариантов — от символической «девятки» до породистого аргамака (лучшего коня) или породистого одногорбого верблюда (аруаны), либо девушки из знатной семьи во главе «девятки».

«Аип», как мера ответственности и вознаграждение, был простым и одномерным, больше применялся в виде «ат-тоншапан» (верховая лошадь и халат) в ограниченных вариациях.

Виды и формы ответственности и наказания в казахском праве были исключительно богаты и разнообразны. Существовал большой их выбор, что обеспечивало с одной стороны широкий простор для действия суда и судей, а с другой — налагало на судей особую ответственность за логическое, дело-

вое и нравственное обоснование своего решения при выборе варианта ответственности. Тут как раз и должны были проявляться личные качества судьи, его интеллект и жизненный опыт, которые ценились не меньше, чем исход дела.

IV

На всем евразийском пространстве, на его наиболее обширной центрально-азиатской части, с древних времен до наших дней жили и живут в основном тюркоязычные этнические народы с собирательным именем кипчаки.

С точки зрения насыщенности событиями относительно глобального значения эту Кипчакскую степь можно разделить на два судьбоносных региона – Южный и Северный. Южный Южный регион, простиравшийся от Ирана до Китая, от Индии до южных районов Казахстана, лежал на мировых сухопутных путях от Европы до Азии и представлял собой обитания полукочевых-полуоседлых объединений с относительно развитым городским хозяйством, торговлей и государственным устройством. Именно этот регион был колыбелью формирования народов Центральной Азии и мощных политических союзов их предков, оказавших существенное влияние на мировую историю на ранних этапах средневековья. Когда начались великие переселения тюркоязычных кочевников гуннов на Запад в канун и начале нашего века, завоевательные походы Чингисхана, армия которого состояла в абсолютном большинстве из тюрков (XIII век), Тамерлана – «Султана Темира» (вторая половина XIV – начало XV веков), потрясли мир. Здесь возникали и исчезали веренища малых и больших, в основном тюркоязычных, государств в силу внутренней борьбы, так и под воздействием внешних сил и временных завоеваний.

Словом, Южный регион Центральной Азии был центром бурных политических, социальных событий и потрясений.

Северный регион, занимавший гораздо большее пространство, чем Южный, – от Балхаша и Арала до Сибирской тайги, от Волги до Иртыша и Тарбагатайских гор по сути представлял «свободную зону», где были созданы относительно мирные условия для консолидации традиций кочевников и цивилизации. Так и было. Кроме своего автохтонного «кочевнического» тюркского населения, сюда стекались степняки и

ной части, оседали переселенцы, искавшие земли обетованные или уставшие от многочисленных и опасных перемен и потрясений. На этой части Центральной Азии, далекой и отдаленной от влияния исламских территорий, формировались светский уклад, наложивший свою печать на все стороны организации и жизни общества, в том числе и на правовую культуру.

В Евразийской степи еще в раннем средневековье складывалась определенно выраженная этническая и политическая общность на базе устойчиво осевших и прибывающих кочевников, составивших этногенетические корни тюрков, а в дальнейшем — ядро и родословное древо казахов. Расширяя свое влияние и владения на юг, Казахская степь стала претендовать на весь Туркестан. Как писал современный крупнейший исследователь истории Казахстана Манаш Козыбаев, под редакцией которого выходили почти все фундаментальные исторические исследования последних лет, «Қорыта айтқанда, қыпшақ атауымен халық болып танылған казак барша түрік әулетінің қара шанырағы болды. Евразияның қос құрлығында тарихтың күдіретті төріне бірақ шықты»¹ — «Подводя итоги, надо сказать, что казахи, признание которым в истории пришло под именем кипчаков, явились прямыми хранителями традиции тюрков в Степи». Историческую хроникальную истину выражают слова крупного казахского мыслителя и поэта Магжана Жумабаева, сказанные им в 30-х годах XX века о том, что «Түркістан екі дүние есігі ғой, Түркістан ер түріктің бесігі ғой» — «Туркестан — это единение двух миров (южного и северного), Туркестан — это колыбель мужественных тюрков».

Эти слова ныне начертаны в сквере небольшого, но многолюдного уголка в Анкаре, столице Турции. Они напоминают поколениям о том, что страна казахов — Казахстан является одним из основных очагов тюрков и что отсюда во многом берут начало дороги к миру тюркоязычных этно-исторических и правовых культур.

Казахи, их предки — праказахи переняли, культивировали и развили до относительно высокого уровня общественно-политическую регулятивную систему нормативов, первоначально естественно сложившихся адекватно условиям общежития

¹ Козыбаев М. Ата тарихы туралы сыр / «Егемен Қазақстан»/. 1999. 30-сәуір.